

РОСТИСЛАВ САМБУК

СОКРОВИЩА
ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА

Коллекция военных приключений

Ростислав Самбук

Сокровища Третьего рейха

«ВЕЧЕ»

2017

Самбук Р. Ф.

Сокровища Третьего рейха / Р. Ф. Самбук — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7111-7

Преступник, убеждённый в том, что он все делал в жизни правильно, никогда не изменится. Вот и бывший гауптштурмфюрер Фриц Ангел, сумевший спрятаться от возмездия Нюрнбергского трибунала, азартно продолжает заниматься делами, нарушающими законы многих стран. Он и его подельники верят, что всегда смогут уйти от наказания. Но так ли это? Широко известный роман одного из признанных мастеров остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4484-7111-7

© Самбук Р. Ф., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть первая. Куколки мадам Блюто	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ростислав Самбук

Сокровища Третьего Рейха

© Самбук Р. Ф., 2017

© Захорошко И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Часть первая. Куколки мадам Блюто

Кельнер принес еще одну бутылку виски, привычным движением откупорил ее и наполнил рюмку. Сделал он это ловко, с любезной улыбкой, и все же Грейту показалось, что кельнер взглянул на него осуждающе. Возможно, он имел на это основание: даже в таких кабаках редко встретишь человека, который в одиночку так быстро напивался. Но какое дело этому замызганному немчуре, кто, сколько и как пьет? Грейт хотел было разозлиться, но лишь двинул резко на край стола переполненную пепельницу. Пил и курил сигарету за сигаретой, бросая окурки прямо на стол.

Бар с громким названием «Веселый ад» был второразрядным. Раньше Грейт не позволил бы себе наведаться в такое сомнительное заведение, но сегодня оно вполне устраивало полковника: пусто, темно и тихо. Грейт выпил еще виски, захотелось воды, и он позвал кельнера, чтобы тот принес содовой.

Кельнер проскользнул между столиками бесшумно и плавно, словно выполнял урок фигурного катания на льду. Ловко подкатился к соседнему столику, поставил бутылки и тарелки с закусками, стал передвигать фужеры.

У Грейта пересохло в горле, он раздраженно смотрел, как возится кельнер; мог бы раньше принести ему сифон – минутное дело! – в порядочном ресторане никогда не заставили бы клиента ждать так долго. Впрочем, кельнер наверняка старался обслужить немца, белокурого розовощекого господина в шикарном светлом костюме...

Вонючие немецкие свиньи! Осмелился бы кто-нибудь из них так обойтись с американцем два-три года назад? А теперь даже президент Соединенных Штатов заигрывает с ними. Эта мысль окончательно разозлила Грейта, он стукнул кулаком по столу и закричал:

– Кельнер, содовой!

– Несу... – поклонился тот издалека, однако не бросился с сифоном к столику Грейта сразу, а улыбнулся белокурому немцу и что-то тихо сказал ему, очевидно, оскорбительное для Грейта, поскольку немец громко и нагло засмеялся.

Полковник впери в него тяжелый взгляд, но розовощекий не смотрел в его сторону, что-то объяснял своей даме.

Немец почему-то сразу не понравился Грейту. Мягкие и правильные черты лица и почти детская розоватость щек могли только подкупать, однако как раз именно это и раздражало полковника. Он вдруг почувствовал, что начинает пьянеть. Хотел еще раз позвать кельнера, но тот уже изгибался между столиками, держа сифон в услужливо протянутых руках. Гнев Грейта сразу утих, он лишь проворчал что-то, подставляя стакан под тугую струю содовой.

Вода немного отрезвила его, и он снова налил из бутылки, но запах виски почему-то показался неприятным. Хотелось посидеть спокойно, но самодовольный шваб уже нарушил его душевное равновесие.

«Это все нервы», – подумал он.

Да, известие об отставке все же подкосило его, хотя Грейт давно готовился к этому. После того как он высказал генералу Блеккеру то, что думал о нем, Грейт ждал этого известия и свыкся с ним, мало того, пытался даже заблаговременно подготовить себе почву в Штатах, и все же какая-то боль засела в сердце. Сам факт, что он сидит в «Веселом аду» и дует виски, разве не свидетельствует о полной деградации полковника Кларенса Грейта?

Грейт усмехнулся, налил содовой, но, подумав, добавил виски. Завтра сдает дела и после этого вылетит домой. Он соскучился по Штатам, и возвращение на родину в какой-то мере компенсирует его неприятности. Кроме того, будут деньги, чтобы открыть мастерскую по ремонту автомобилей или приобрести мотель.

Сбудутся ли эти мечты?

Можно, правда, наняться летчиком-испытателем – там неплохо платят, и полковника Кларенса Грейта взяли бы. Но мало кто из испытателей протягивает три-четыре года. Сколько его однополчан сгорели на «старфайерах» и «боингах»?

Мимо столика прошмыгнул кельнер, и те двое за спиной замолчали. Наверно, расплатились и собираются уходить...

Внезапно Грейт почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, чьи-то глаза уставились в его затылок. Ощущение было такое, словно кто-то поднял кольт и держит палец на спусковом крючке. Если бы это случилось в Техасе, Грейт был бы уже под столом с выхваченным из кармана пистолетом, но здесь, в самом сердце Европы...

Полковник притворился, что уронил спичку; медленно наклонился за ней, скосив глаза, увидел в двух шагах ноги в желтых ботинках. Он мог бы дотянуться до них, дернуть на себя так, чтобы человек пробил себе затылок о грязный пол, но, медленно выпрямившись, остался сидеть на стуле, лишь обернулся.

Так и есть, розовощекий! Стоит усмехается, засунув руки в карманы пиджака.

– Что надо?

– У вас замечательная выдержка, полковник Грейт!

– Что надо? – повторил, взявшись за спинку стула, Грейт.

Розовощекий шагнул в сторону, вынул руки из карманов, подчеркивая этим миролюбие своих намерений, и учтиво поклонился.

– Франц Хаген к вашим услугам.

– Не нужны мне ваши услуги... – оборвал его полковник.

Хаген не обратил на это внимания. Сел напротив Грейта, приветливо улыбаясь. Полковника злила и эта улыбка, и развязность его манер... Шрам на лбу Грейта побелел, что свидетельствовало о крайнем душевном возбуждении.

– Мне не нравится, когда всякий лезет, куда его не просят... Я не потерплю!..

– На вашем месте я поступил бы так же, – перебил его Хаген. – Но жаль, у меня нет иного выхода, а дело важное, поэтому я позволил себе потревожить вас. Впрочем, я не отниму у вас много времени, и, если мои предложения не интересуют вас, можете прервать разговор.

Это было логично, и Грейт вынужден был оценить аргументы Хагена.

Тот сел против света, и полковник мог хорошо рассмотреть его. Первое впечатление оказалось ошибочным: немец был не таким уж юным. Молодил его розовый цвет щек, лицо же прорезали морщины, а глаза запали глубоко и выглядели усталыми, как у мужчины, который перешагнул сорокалетний рубеж.

– Какие могут быть предложения? Я не желаю слушать разные предложения... – пробормотал Грейт почти машинально. – Откуда вы знаете меня?

– Я знаю даже, на какой рейс у вас заказан билет в Нью-Йорк, – усмехнулся Хаген. – Мои друзья когда-то имели с вами дело... – Заметив, что полковник удивленно поднял брови, пояснил: – Ну, запчасти для автомашин, горючее и некоторые другие мелочи... Мне рекомендовали вас как делового человека, а это в наше время наилучшая рекомендация.

Грейт иронично прищурил глаза. Он не любил краснобаев, а этот, кажется, болтун. Однако не остановил немца, и тот произнес негромко:

– Я хочу предложить весьма выгодный бизнес, зная вас как личность решительную, которая может не обращать внимания на моральную сторону дела...

– Что вам надо? – спросил Грейт.

– Ваш профессиональный опыт, ваша сила, ваш ум, – не раздумывая, ответил агент.

– Это не так уж мало!

– За все это вам платят мелочь, а я предлагаю тридцать тысяч долларов в месяц.

Грейт посмотрел на немца как на сумасшедшего. Жулик или шантажист? Но тот смотрел спокойно, даже снисходительно, и продолжал так, словно речь шла о мелочи:

– Впрочем, все зависит от вас, при должной оперативности и находчивости можно увеличить эту сумму...

Грейт откинулся на спинку стула и рассмеялся.

– Не делайте из меня дурака, как вас там!.. Я не люблю шуток.

Розовые щеки Хагена сделались совсем пунцовыми.

– Я предлагаю, а ваше дело – принять мое предложение либо отклонить. Естественно, наш разговор не для третьих ушей, в конце концов беседуем мы без свидетелей, и вам трудно будет доказать что-либо. – Хаген налил виски в рюмки, сказал резко: – Я не сумасшедший и не собираюсь предлагать вам чистить сейфы городского банка. Для этого существуют, – он скривил губы, – более солидные корпорации. К тому же есть много способов менее рискованно зарабатывать деньги. Один из них я и хочу предложить вам...

Грейт ни словом не отреагировал на это.

– Завидую вашей выдержке, мистер Грейт, – бросил Хаген после паузы. – Это еще больше побуждает меня к сотрудничеству с вами. Предлагаю вам место личного пилота шейха Хижи Селаспи...

– Не морочьте мне голову!.. – оборвал его Грейт. – Самый глупый шейх Востока научился уже считать деньги и знает, что за тридцать тысяч долларов он купит не одного пилота, а минимум десять.

– Пусть так, – согласился Хаген. – Но слушайте меня внимательно, – немец понизил голос и, наклонившись над столиком, поманил пальцем Грейта. – Вы представляете, полковник, сколько стоит в Аравии красивая европейская девушка?

– Нет.

– За двадцатилетнюю смазливую девчонку с хорошей фигурой да еще со средним образованием, – деловито продолжал Хаген, – можно получить не менее двенадцати тысяч фунтов. Красивые белые девушки в гареме считаются как бы символом могущества и знатности шейха, если хотите, его визитной карточкой.

– Лично я, – равнодушно произнес Грейт, – не дал бы за самую красивую блондинку и тридцати долларов.

– Когда речь идет о престиже, – вздохнул немец, – на Востоке платят бешеные деньги...

– Но я не вижу связи между вашим предложением и ценами на девушек...

– Неужели вы ничего не поняли? Я хотел сказать, что обязанности личного пилота шейха состоят не только в управлении самолетом...

– Так-так... – начал понимать Грейт. – Стало быть, вербовка и доставка живого товара на Ближний Восток?

Хаген удовлетворенно потер руки:

– Вы недалеко от истины.

Грейт решительно отодвинул от себя рюмку:

– Но это же, насколько мне известно, преследуется законом?

– Игра стоит свеч, – сказал Хаген твердо. – Опытный белый солдат получает в Африке...

– Мне известно, сколько получает солдат в Африке, – перебил Грейт, – однако каждый считает деньги только лишь в собственном кармане...

– Вот именно, – подхватил Хаген и спросил: – Насколько я понял, вам пришлось по душе мое предложение? В общих чертах, так сказать.

Грейт не ответил, лишь пощелкал ногтем по рюмке.

– Значит, так, – принял его молчание за согласие Хаген, – я буду откровенным и познакомлю вас с характером деятельности нашей фирмы, если не будете протестовать против такого названия. Личный пилот Селаспи – чистой воды фикция. Я уже оплатил стоимость самолета шейха, но есть договоренность, что официально он и дальше будет принадлежать ему. Так удобнее – в нашем мире, разделенном многочисленными границами, это облегчит перелет из

одной страны в другую и поможет быстро улаживать некоторые формальности. – Хаген на мгновение заколебался, но все же предложил: – Вы можете стать моим полноправным компаньоном, заплатив половину стоимости самолета. Если у вас нет сейчас свободных денег, я подожду. Два-три выгодных рейса окупят все затраты.

– Какой самолет? – коротко спросил Грейт.

– «Дуглас», двухмоторный.

– В каком состоянии?

– Техники уверяют, что лучше и не мечтать.

– Самолет здесь?

– К сожалению... – развел руками Хаген. – Я вынужден был оставить его в Сицилии. Оттуда мы можем без особых трудностей переправить партию девушек.

– Неужели они сами хотят попасть в гаремы?

– Ну что вы! – даже удивился Хаген наивности Грейта. – Мы заключаем с ними контракт на какую-нибудь работу. Главное – быстро и бесшумно посадить их в самолет. Потом они в наших руках, и есть немало способов, чтобы взнудать непокорных.

Грейту захотелось выплеснуть в лицо немцу остатки виски. Уже было поднял рюмку, но рука почему-то остановилась, он только переставил рюмку ближе к себе.

– А раньше вы с кем, э-э... работали?

Лицо Хагена затуманилось.

– У меня был чудесный компаньон. Ас! Сам Геринг любил и уважал его. Может, слышали: Ганс фон Шомбург, подполковник, известный летчик-истребитель?

Грейт покачал головой, буркнул что-то невыразительное.

– Глупая смерть, – с сожалением сказал Хаген. – Купался в море, не рассчитал силы и утонул.

«И ты сейчас в безвыходном положении, – подумал Грейт. – Кто же тебе указал на меня?»

Спросил совсем о другом:

– Вы тоже воевали против нас?

– Почти все мужчины Германии во время войны носили мундиры. Я, правда, непосредственно в боевых операциях не участвовал. Так, тыловая служба... Надеюсь, вы без предубеждения относитесь к людям, которые в прошлом служили в войсках СС?

– Попались бы вы мне сразу после войны!.. – сжал громадный кулак Грейт. – Но все проходит... Вы офицер?

– Гауптштурмфюрер СС! – ответил Хаген четко, и полковнику показалось: сейчас вытянется перед ним с поднятой рукой.

– Плевать! – внезапно выдохнул Грейт со злостью. – Наплевать на все! Выпьем, гауптштурмфюрер!

Однажды летчик, земляк Грейта, которого они освободили из плена, узнал одного из своих бывших палачей – эсэсовца из лагерной охраны. Они передали этого оберштурмфюрера в руки правосудия, но не прошло и полугода, как Грейт встретил его во франкфуртском ресторане. Подумал, что тот убежал. Позвал полицию, поднял шум и только опозорился: в комендантуре объяснили, что бывший эсэсовец оправдан судом и сейчас полноправный гражданин Западной Германии, владелец металлообрабатывающего завода и активно сотрудничает с американской администрацией...

Полковник пристально посмотрел на Хагена:

– Вы, наверно, до тонкости изучили это дело с юридической, так сказать, стороны. Не могли бы в общих чертах познакомить меня?

Хаген удобнее устроился на стуле и начал рассказывать:

– ...На Аравийском полуострове в иных богатых княжествах и султанатах даже по сей день существует рабство. Да, сейчас, во второй половине двадцатого столетия! И рабы не

только арабы-туземцы, но и французы, англичане, итальянки, шведки и немки... И их дети – рабы. Рабов используют как секретарей, слуг, охранников, рабы работают на полях и нефтяных промыслах, на тайных копях, где добывают золото, неучтенные залежи которого составляют один из источников доходов аравийских набобов. И естественно, много рабынь в гаремах.

Хаген будто бы слышал о таком случае: один из правителей богатой арабской страны заболел и отправился лечиться в Вену. Когда здоровье Его Величества немного поправилось, он снял один из самых фешенебельных отелей города и выписал более ста своих наложниц. Вся Вена, говорят, бегала смотреть на них. Но человек, едущий на «роллс-ройсе» с подвеской, все детали которой сделаны из золота, может позволить себе и не такое. Что ему стоит заплатить несколько тысяч за понравившуюся девушку!

– А впрочем, это, лирическое отступление. – Хаген пересел на стул, стоящий рядом со стулом Грейта, фамильярно похлопал полковника по руке. – Вот так-то, мой дорогой полковник, даже вашим миллиардерам не снилась такая жизнь. Извините, снова отошел от сути. О чем же шла речь? О живом товаре? Вы ошибаетесь, полковник, если думаете, что мы с вами уникальная фирма. Агенты аравийских рабовладельцев, разыскивая красивых девчонок для гаремов, разъезжают не только по странам Африки, Среднего и Ближнего Востока. Вы, наверное, не слышали, да и откуда вам знать, что каждый год в Европе исчезает много девушек, в том числе и пятнадцатилетних. И ни одному полицейскому еще не удалось напасть на их след.

Хаген рассказал о том, что начались нежелательные разговоры в специальных комиссиях ООН, дошло до того, что некоторые наиболее активные парламентарии сделали запрос своим правительствам. В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году в Женеве была созвана конференция, на которой обсуждались вопросы, связанные с торговлей рабами. Больше пятидесяти государств приняли участие в работе конференции. Франция и Англия предложили принять конвенцию, по которой перевозка рабов морем расценивалась бы как морской разбой, а суда, заподозренные в этом преступлении, предлагалось задерживать и тщательно обыскивать. Слава богу, нашлись у шейхов влиятельные защитники. Соединенные Штаты Америки так и не высказались по этому вопросу. Все знали почему; США не хотели портить отношения с королем Саудовской Аравии, поскольку у них была военная база в Дахране. А интересы американских нефтяных монополий в Аравии? Это тоже нужно было иметь в виду. И конференция приняла довольно невыразительную, расплывчатую декларацию: «Рабство – постыдное явление».

– Это коротко история вопроса, если позволите, – сказал Хаген. – С того времени многое переменялось, и вывозить наш товар теперь опаснее. Хотя, – подмигнул, – нет худа без добра: цены на девчонок значительно выросли.

– Сколько вы делаете рейсов в год? – спросил полковник. – В среднем?

– Не делите шкуру неубитого медведя! – засмеялся, поняв его, Хаген. – Обыкновенная арифметика здесь неуместна.

– Я должен взвесить все, – заупрямился Грейт, – и хотел бы хоть приблизительно прикинуть...

– На один рейс уходит не меньше трех месяцев, – не дал ему закончить Хаген. – Самолет возьмет до пятнадцати девушек. Включите накладные расходы, полковник, которые составят приблизительно двадцать процентов...

– А если увеличить число рейсов?

Немец улыбнулся:

– У вас железная хватка! Мой предыдущий компаньон при всех его положительных качествах немного ленился, а с вами, вижу, мы найдем общий язык. Честно говоря, не так уж приятно все время оглядываться назад, мне хочется скорее обеспечить свою семью и пожить, ни о чем не думая.

– У вас есть семья?

– Жена и сын, – не без гордости сообщил Хаген, – сын окончил университет.

- Прекрасно, – без энтузиазма одобрил Грейт. – Вы верите в Бога?
- Какое это имеет значение? – уклонился Хаген от ответа. – Я жду вашего решения...
- Я должен подумать, мистер Хаген, вы получите ответ завтра.
- Хорошо, – согласился немец, – но я вынужден предупредить вас, что этот разговор...
- Вы имеете дело с джентльменом!
- Я позвоню вам.
- Мой телефон...
- Я знаю номер.
- Поразительная осведомленность!
- С таким предложением я не мог обратиться к первому встречному.
- А если я сообщу в полицию?
- Ну и что? – пожал плечами Хаген. – Вы не знаете даже моего настоящего имени, и в полиции только посмеются над вами.
- А вы осторожный человек.
- Возможно, вам тоже придется привыкать к этому. – Хаген поднялся. – Если не возражаете, я позвоню в пять...

Кельнер, поймав его взгляд, метнулся между столиками. Грейт тоже сразу расплатился, вышел из «Веселого ада», но домой не поехал. Долго бродил по франкфуртским улицам. Вокруг струился поток – смеялись, разговаривали люди, а Грейт шел и не видел всего этого, останавливался на перекрестках, извинялся, нечаянно толкнув кого-нибудь, и, казалось, это не он шествует мимо блестящих витрин, во всяком случае, не тот полковник Кларенс Грейт, каким он был еще несколько часов назад: стыдился самого себя, невольно морщился, последними словами ругал розовощекого немца. Считал себя подонком и даже сжимал от гнева кулаки, но все же знал, наверняка знал (хотя и давал себе торжественную клятву послать завтра Хагена ко всем чертям), что согласится, что, по сути, уже согласился и лишь выторговал для себя небольшую отсрочку. Эти тридцать, сорок, пятьдесят тысяч долларов не давали ему покоя, превращались в триста, пятьсот тысяч, маячили миллионом – целым миллионом!

Дома Грейт выдвинул ящик письменного стола, перебрал бумаги, сжег ненужные. Спать не хотелось, сидел и курил, пересматривая фотографии в толстом кожаном альбоме. В основном фронтовые друзья: сколько пережито с ними!

Капитан Ричард Эмори возле своего «либерейтора». Улыбается и не знает, что уже не вернется на аэродром. Его сбили немецкие истребители над Нормандией; Ричард так и не успел сбросить бомбы, его «либерейтор» врезался в землю и взорвался – от Эмори не осталось даже горстки пепла.

А вот лейтенант Джон Тодд – этого фашисты сбивали дважды, но лейтенанту везло: один раз дотянул до передовой и выбросился на парашюте, второй – несколько дней плутал по прифронтовой зоне, скрываясь от немецких патрулей, пока не добрался до своих. Счастливчик этот Тодд: уже давно в Штатах, женился, работает в какой-то фирме. Вначале писал, но время рвет самые крепкие связи...

От этой мысли сделалось грустно. Тогда, особенно во время дружеских вечеринок, они обещали беречь фронтовую дружбу. Что осталось от этих клятв? Приятные воспоминания и легкий налет грусти...

Особенно много фотографий майора Райли Дэймса. Когда-то они учились вместе, потом и служили. Во время налета на Пенемюнде Дэймса сбили. Он попал в концлагерь, откуда англичане освободили его уже в конце войны.

Грейт вспомнил, как впервые увидел Райли: вернулся после вылета и брел тропинкой, вытопанной парнями, к столовой. Райли шел навстречу, и Грейт вначале не узнал его – худой, кожа на лице желтая и дряблая, только глаза светятся...

Вспомнив эту встречу, полковник раздраженно швырнул альбом. Он еще не уяснил причину своего раздражения, но смотреть на Райли было неловко и тоскливо, словно тот упрекал Грейта. А может, это просто показалось полковнику и было результатом нервного напряжения, в котором он пребывал последние дни?

И все же чувство неловкости не исчезало, и это продолжало раздражать Грейта, будто он провинился перед кем-то и вынужден оправдываться. В глубине души он знал, что именно раздражает его, но не давал этой мысли разрастись, отбрасывал ее, настраиваясь на веселый лад. Даже начал мурлыкать песенку из оперетты. Но лицо Райли – желтое и сморщенное – стояло перед глазами как живой укор, а рядом с ним розовошее, самодовольное лицо немца.

Что бы сказал ему сейчас Райли?

Предатель!

Грейт разделся и залез под одеяло. Спать, только спать. Прочь мысли! Вспомнил молитву, которую ежедневно творил дед. День их семьи всегда начинался с молитвы.

Вдруг он отчетливо увидел своего деда. Старик стоял в конце длинного стола, торжественный, в черном сюртуке, и сердито смотрел на Грейта. Протянул руку, ткнул в него пальцем, сказал твердо и безжалостно: «Предатель!»

Грейт почувствовал себя мальчишкой, потупился, хотел оправдаться, но не нашел слов. Только смотрел в глаза деда не мигая, и тот не выдержал, отвел взгляд. Эта маленькая победа не принесла Грейту удовлетворения, наоборот, еще больше растрогала его. Воспоминания о родном доме всегда приносили ему боль и стыд, и щека начинала дергаться, словно от только что полученной оплеухи.

В двенадцать лет жизнь казалась Кларенсу Грейту исполненной удивительного смысла и гармонии. Кроме него, в семье не было детей, и Кларенс ни с кем не делил материнскую ласку и отцовское внимание. Отец и дед его были квакерами, семья Грейтов жила скромно, носила строгого покроя костюмы, вставала с молитвою и заканчивала день хвалою Господу. Дед Кларенса еще пахал землю, а отец приобрел магазин в городе, и соседи первыми снимали перед ним шляпы. Это радовало Кларенса, хотя дед постоянно втолковывал ему, что земные хлопоты мимолетные и являются лишь шагом к жизни вечной, но эта вечная жизнь казалась каким-то маревом, а реальность – друг Джек, предстоящая рыбалка на озере, фокстерьер, которого подарили ему в день рождения...

Кларенс твердо верил, что Бог слышит его и давно присматривается к нему. Все это делало в детстве Грейта немного непохожим на ровесников: он редко участвовал в школьных проказах, старательно учился, глядел учителям в глаза, что вызывало насмешки одноклассников.

У Грейта был всего лишь один друг. Джек жил по соседству, он учился классом старше, его родители были тоже квакерами, и Кларенс, лишенный детской дружбы, тянулся к Джеку, признавая его авторитет почти во всем.

В тот день Кларенс, как всегда после школы, отодвинул доску в заборе, разделявшем их усадьбы, позвал фокстерьера и тихонько свистнул. Как правило, Джек свистел в ответ – он мог быть где-то рядом, в своем саду или во дворе, помогая отцу справляться по хозяйству. Кларенс свистнул еще раз, но так и не получил ответа, пошел через смородиновые кусты к дому. И сразу чуть не натолкнулся на Джека.

– Я звал тебя... – и осекся, встретившись с взглядом Джека.

Таким злым он видел друга впервые: Кларенс успел подумать, как это неприятно, когда тебя так буравят глаза. Он сделал шаг к товарищу и повторил:

– Я звал тебя, Джек. А ты, наверное, не слышал...

Он все еще не верил, что Джек вот так может смотреть на него, и был уверен, что тот улыбнется, как всегда, и они пойдут на озеро. Даже вынул из кармана металлическую коробочку из-под конфет, потряс ею.

– Вот, – сказал дружелюбно Кларенс, – утром я накопал червяков...

Джек шагнул вперед. Кларенсу показалось, что тот заинтересовался червяками, и протянул коробочку, но Джек внезапно размахнулся и ударил его по щеке. Это было невероятно и так неожиданно! Кларенс даже не отшатнулся, а только уронил коробочку, и она, раскрывшись, покатила по дорожке.

– За что? – спросил он друга.

– И ты еще спрашиваешь! – с ненавистью выкрикнул Джек. – Вон отсюда! И если я еще раз увижу твой поганый нос...

Он подступил к Кларенсу, фокстерьер оскалился и зарычал.

– Святоша подлый!.. – процедил сквозь зубы Джек. – И все вы такие!.. – Он повернулся и пошел сквозь смородиновые кусты. Кларенс хотел догнать его, но сдержался и только спросил:

– Что случилось, Джек?

Мальчик остановился.

– Что случилось? Спроси у своего папочки... – И исчез за кустами.

Кларенс стоял и смотрел, как извиваются на желтом песке красные черви. «Спроси у папочки...» Но ведь его отец всегда жил в согласии с отцом Джека: они вместе ходили в молитвенный дом, и Кларенс знал, что отец Джека когда-то помог Грейтам стать на ноги.

Кларенс поднял доску и пролез в свою усадьбу.

Отец появился вместе с дедом перед самым ужином. Кларенс выбежал им навстречу, но отец, всегда ласковый с сыном, приказал:

– Оставь нас, сынок...

Наверно, они поссорились, потому что дед раскраснелся, а у отца был виноватый вид.

Дед не вышел к ужину, сидели за столом втроем – отец, мать и Кларенс. Перед ужином дед всегда читал молитву, а сегодня его заменил отец.

Во время ужина отец вел с матерью нудный разговор о хозяйстве, Кларенсу так и не удалось спросить о Джеке. Однако отец догадался, в чем дело, он всегда читал его мысли. Поужинав, сам спросил, что случилось. Услышав рассказ Кларенса, рассердился:

– Не обращай внимания! Это дьявол вселился в Джека. – Немного подумав, счел необходимым пояснить: – Я вынужден был приобрести их магазин. Понимаешь, его все равно кто-нибудь купил бы, так почему не мы?

Кларенс почувствовал неуверенность в словах отца, какое-то заискивание, хотел спросить, почему соседи продали магазин, но отец быстро встал и поднялся на второй этаж, в библиотеку, где по вечерам имел привычку писать письма. Спустя несколько минут послышались голоса: Кларенс понял, что отец разговаривает с дедом. Он тихо поднялся на второй этаж, любопытство взяло верх, и Кларенс стал за дверью и вытянул шею, чтобы лучше слышать, о чем беседуют взрослые.

Дед говорил разгневанно:

– Вместо того чтобы протянуть ему руку помощи, ты добил его...

– Не все ли равно, кто купил бы магазин?

– Оставь! Не лицемерь хоть сам перед собой! Можно было поручиться, чтобы векселя его не опротестовали...

– Наша фирма не занимается благотворительностью...

– Кто помог тебе приобрести наш магазин?

– Стивенсон тогда заработал на этом.

– Не ври хоть мне! – закричал дед. – Ты опутал Стивенсона как паук, ты заманил его перспективой больших денег и быстро затянул петлю, когда он сунул туда голову. Хотя бы подумал, что он твой сосед, твой ближний и твой христианский долг не топить, а вытащить его...

...Грейт потянулся в кровати, сон не проходил, и он подумал, что, может, это не снится ему, но дед стоял точно живой, можно было дотронуться до старика, погладить по лицу. Полковник протянул руку, хотел что-то сказать, но пропал голос. А дед уже не смотрел на него, лицо его скривила гримаса боли, он схватился за сердце и выкрикнул с отчаянием:

– Иуда!

Это словно хлестнуло Грейта, обожгло, он заметался в кровати.

Утром, как ни пытался, не мог связать воедино отдельные картины ночного видения. Что-то мелькало перед глазами, и было мерзкое чувство, будто тебя побили. Потом подумал, что все это сущий вздор и не следует забивать себе голову сентиментальными пустяками. Все идеи и переживания не стоят десятидолларовой бумажки. Именно эта бумажка правит миром.

Грейт соскочил с кровати.

К чертям все! Не стоит обращать внимания на глупости.

Грейт говорил лениво, поскольку надо же было перемолвиться хотя бы словом с человеком, который полдня качался в гамаке рядом с тобой.

– Десять долларов за бутылку холодного пива...

Хаген не отозвался: продолжал качаться, словно и не слышал полковника.

Грейт обозлился и хотел швырнуть в немца пустую бутылку из-под какой-то здешней сладковатой бурды, да поленился поднять руку. Хватит! Не хочет поддерживать разговор, и не надо. Чуть пошевелился, удобнее укладываясь, но злость пересилила. Сел и сказал резко:

– Вы слышите меня, Франц?

Теперь он уже точно знал, кто его компаньон. Хаген – это одно из вымышленных прозвищ, на самом же деле Франц Ангел, гауптштурмфюрер СС, бывший комендант одного из концлагерей где-то там, на Востоке, в Польше или в Западной Украине. Сам Ангел признался ему не без гордости, что в коммунистических странах дали бы немало, чтобы напасть на его след, однако полковник лишь пожал плечами: не все ли равно Грейту, болтается гауптштурмфюрер на веревке или занимается торговлей в аравийских пустынях?

– Вы же знаете, Кларенс, – Ангел сел в гамаке. – Последнюю бутылку пива выпили позавчера. А здесь его не достанешь и за сотню...

– Проклятая страна!.. Скоро и денег не захочешь!..

Полковник pokrивил душой. Успех первого рейса окрылил его, и сейчас он агитировал Ангела скорее вернуться в Европу за очередной партией девушек. Но немец был осторожным, он полагал, что не следует мозолить глаза агентам Интерпола, и они уже почти месяц поджаривались в небольшом селении на побережье Персидского залива вблизи Абу-Даби. Сняли приличную виллу с садом и целыми днями валялись в тени, спасаясь от неимоверной пятидесятиградусной жары.

– Вылетаем через три-четыре дня, – вдруг сообщил Ангел.

Грейт даже вскочил от неожиданности.

– У вас семь пятниц на неделе.

– Нет, просто утром я получил письмо. Следовало подумать, прежде чем решать.

– Выгодное предложение?

– Есть заказ для Танжера, – объяснил Ангел. – Там у меня старые связи с владельцами ночных кабаре. Платят, правда, меньше, но зато без мороки. За месяц обернемся.

Полковник лежал, уставив глаза в небо. Равнодушно следил за скоростным истребителем, который прорезал голубизну. Впервые увидев белый след в этом безоблачном просторе, удивился: сотни километров пустынь, убогие хижинки туземцев, караван верблюдов – и самые современные реактивные истребители? Неужели шейхи и султаны имеют военную авиацию? Хотел было спросить у Ангела, но кстатi вспомнил о военной базе своих соотечественников в Дархане.

Теперь Грейт знал, что американские и английские самолеты поднимаются также с аэродромов, размещенных возле Аш-Шарджа, Низви, на островах Бахрейн. Нефть требует охраны, и шейхи должны знать, кто защищает их независимость...

Полковник вспомнил первую встречу с одним из шейхов. Этот шейх держался как настоящий властелин. Он посмотрел на Грейта презрительно, и полковник с удовольствием подумал, что в южных штатах этого черномазого только за один такой взгляд белые американцы повесили бы на первом суку.

Шейх сказал что-то одному из советников.

– Их высочество, – перевел тот, – предупреждает, что его интересуют только красивые и молодые девушки, ибо его гарем самый большой и самый лучший на всем побережье Персидского залива.

Ангел, склонившись в почтительном поклоне, ответил:

– Я знаю вкусы их высочества и привез для него самых лучших девушек Европы. Розы Сицилии – красивейшие женщины чудесного острова, славящегося женской красотой. Покажи ему Веронику, – шепнул Грейту.

Полковник растерялся. Вероника была самой невзрачной из этой партии, но бесцеремонной и наглой. Когда Ангел объяснил, зачем их привезли на Ближний Восток, она первая поняла, что плакать бесполезно и ее судьба во многом зависит от нее самой.

Шейх предложил за Веронику крупную сумму.

Потом шейху показали Джулию. И эта была, по мысли Грейта, из второсортных: худенькая, в чем только душа держалась. Тогда в Сицилии, когда она впервые появилась у них в конторе, он посмотрел на нее пренебрежительно и хотел сразу отослать, но Ангел не согласился.

– Экземпляр на любителя, – пояснил потом. – За такого волчонка можно взять больше, чем за кралю типа Брижит Бардо.

Действительно, Джулия чем-то напоминала волчонка. Глаза блестящие, отдают синевой, смотрит серьезно, постоянно злится на всех, зубки мелкие, беленькие, острые, зазеваешься – укусит. Другие девушки, узнав, куда их везут, плакали и причитали, а эта забилась в угол и поблескивала волчьими глазами. Хотела выброситься из самолета.

– Ха-ха! – смеялся тогда Ангел. – Ты у меня пойдешь первым сортом. Таких, как ты, в гареме утихомячат за неделю.

Только тогда Джулия не выдержала и заплакала. Кусала себе руки, билась головой о борт так, что пришлось связать. Пока помощник Ангела Густав – туповатый, с бычьим затылком ротенфюрер из бывшей лагерной охраны – успокаивал ее, успела до крови расцарапать себе лицо, хотела изуродовать себя. Когда уже лежала связанная, Ангел подсел к ней и объяснил, что ничего ей не поможет, просто продадут в служанки, о возвращении в Европу не может быть и речи.

Грейт вел самолет и ничего этого не видел, однако Франц рассказал после, что проклятая девчонка не слушала его и кусала до крови губы. Все вспоминала мать и сестер, которым обещала высылать деньги.

Ангел был прав: шейху Джулия понравилась. Смотрела гордо, и только теперь Грейт понял всю привлекательность девушки. Что-то похожее на жалость шевельнулось у него в душе.

Однажды, хватив лишнего, Грейт поделился с Ангелом своими мыслями о Джулии; Франц не сразу понял, кого полковник имеет в виду, а потом стал подтрунивать нал компаньонном, обвиняя его в сентиментальности. Полковник знал, что он никогда не был сентиментальным, просто ему нравились личности сильные и независимые, сам считал себя таким, поэтому и запомнил эту девушку.

Может, все-таки не следовало продавать Джулию? Тем более что «конкурс красавиц», как называли они свою авантюру в Сицилии, прошел у них более или менее успешно.

Они приехали в небольшой городок Трапани под видом столичных негоциантов. На следующий день Ангел поместил в местной газете краткое объявление: «Представитель большого магазина женской одежды в Риме приглашает девушек Трапани на работу манекенщицами. Условие: отличная фигура и внешность, не старше 24 лет, среднее образование».

Утром они пришли в контору, снятую накануне, увидели десятков шесть девушек, которые штурмовали их полдня: все хотели получить работу. Грейт и Ангел выбрали пятнадцать самых красивых, и на следующий день с сиракузского аэродрома поднялся самолет, пилотируемый бывшим полковником американской армии Кларенсом Грейтом...

– Куда летим? – после долгого молчания спросил Грейт Ангела.

– Во Францию.

– Оттуда до Танжера рукой подать, – одобрил Грейт.

– Славная штука самолет...

Грейт только пожал плечами: не привык слышать прописные истины из уст Франца. Однако он бы не удивился, если бы проследил за ходом мысли немца. Несколько лет назад Ангелу приходилось переправлять свой живой товар по только ему одному известным караванным путям, через пустыни Северной Африки и далее на шхунах через Красное море. На путь, который сейчас измеряется часами, затрачивались недели, не говоря уже об опасности.

Ангел зябко пожал плечами, вспомнив, как однажды их шхуну встретил египетский сторожевик. Слава богу, его заметили сразу, как только он появился на горизонте.

Ангел знал, что по существующему международному праву их могут обвинить в работорговле только в том случае, если застукают вместе с живым товаром. Поэтому он долго не раздумывал. Хорошо, что подготовились они заранее. «Козочек», как любил называть девушек Ангел, по очереди поднимали на палубу, быстро, без лишней суеты заталкивали в специально приготовленные для этой цели мешки с камнями и бросали за борт. Когда сторожевик приблизился к шхуне, рулевой беззаботно вертел штурвал, двое матросов резались в карты, а пассажиры – Ангел и Густав – болтались без дела на палубе, с интересом наблюдая за маневрами военного египетского судна.

По первому требованию сторожевика шхуна легла в дрейф.

Ангел, растянувшись на складной кровати под тентом на юте, с отвращением смотрел за действиями египетских моряков. Они были ему глубоко антипатичны – смуглые парни с длинными арабскими носами. Без году неделя как получили независимость, а поднялись на шхуну как хозяева. Они поставили на палубе часового, а сами стали шарить по трюмам. Ищите, ищите, вам не найти ни одной улики.

Ангел вспомнил, как визжала и кусалась девушка, которой он немного симпатизировал, – официантка из Бордо Лиана. Она сразу догадалась, для чего ей заломили назад руки, для чего двое матросов держат длинный как матрац мешок, и умоляла Ангела:

– Мосье, дорогой мосье Франц! Не топите меня! Я так хочу жить... Не топите меня, дорогой мосье, я согласна на все, никто не услышит от меня ни одного слова, дорогой, добрый мосье!..

Ангелу самому не хотелось топить ее, за девушку можно было получить большие деньги, но он не имел права рисковать. Завязывая мешок, слышал еще:

– Мосье, мой добрый мосье... – И потом, когда ее уже несли к борту, вдруг: – Чудовище, выродок, проклиная тебя!.. Прок...

За бортом булькнуло, Ангел сразу забыл Лиану, ее умоляющий взгляд и последнее проклятие. Как забывал всегда все неприятное, когда носил черный мундир и фуражку с черепом...

Все, что ему ни поручали, Ангел делал старательно, и эсэсовское начальство всегда оставалось довольно гауптштурмфюрером. Поэтому, наверно, и доверило сооружение секретного

объекта в Польше, дав в его распоряжение целую строительную команду и неограниченное число военнопленных.

И все же Ангелу было трудно: не хватало строительных материалов, колючей проволоки, электроэнергии, машин. Не хватало всего, кроме пленных, но пользы от них было мало – мерли, как мухи, а гауптштурмфюрер спешил и выжимал из них все возможное и даже невозможное. На этом строительстве другой сломал бы себе голову, а вот Ангел сумел закончить его в срок.

Принимала объект комиссия из Берлина во главе с группенфюрером СС. Моложавый, ненамного старше Ангела, любимчик самого Гимmlера, он бегло осмотрел бараки, поинтересовался системой охраны, надежностью проволочной ограды, особое внимание обратил на газовые камеры и крематории. Долго расспрашивал Ангела, что-то подсчитывал и сказал:

– Учтите, уже сейчас нужно начать работы по расширению объекта. Рассчитываем на вашу энергию и инициативу. Я доложу рейхсфюреру СС о вашем усердии.

Ангел не подвел группенфюрера. За три года, когда он был комендантом, лагерь вырос почти вдвое, а высокие трубы крематориев день и ночь выбрасывали густой черный дым.

Коттеджи офицеров СС, подчиненных Ангелу, стояли почти напротив главных ворот, над которыми гауптштурмфюрер приказал вывести готической вязью: «Труд делает свободным». Однако сам комендант не захотел жить так близко от колючей проволоки, и его семья разместилась в особняке за полкилометра от лагеря – небольшой лесок закрывал от глаз и дым, и сторожевые вышки, которые, считал Ангел, портили окружающий пейзаж. Дома Ангел забывал о заботах коменданта, здесь ничего не напоминало о крематориях, здесь он выращивал цветы и овощи, здесь у него родился сын, названный в честь деда Карлом.

Гауптштурмфюрер любил свой дом и заботился о нем. Он провел для себя условную черту, которая разделяла его жизнь на две части: ту, что связана с присмотром за тысячами людей, отправкой их в газовые камеры, и другую, где он отдыхал, – коттедж со светлыми, просторными комнатами, красивая любящая жена, здоровый сын, цветник перед домом и огород за ним, двое-трое друзей, карты и шахматы по вечерам, иногда поездки в Варшаву или Берлин.

Почти никогда, как бы ни опаздывал, Ангел не пользовался служебной машиной – ходил на работу и с работы пешком, считая эти моционы полезными для здоровья. Возвращаясь из лагеря, успевая забыть обо всем, что оставалось там, за лесом, в лагере, снимая в передней мундир, как бы становился добропорядочным; дескать, то, что за проволокой, вынужденное и временное – пока идет война, а человек, становящийся во время войны солдатом, выполняет приказы начальства.

«Так надо, это необходимо фюреру и рейху!» Это убеждение Ангел пытался привить подчиненным.

И все же, как он ни старался дома отгородиться от того, что было там, за лесом, сделать это ему не удавалось. Оно постоянно напоминало о себе, нарушая покой и установленный распорядок. Черный дым, стлавшийся низко над землей, когда ветер дул на запад, проникал через лес, обволакивая виллу и оставляя следы копоти на подоконниках, – даже розы и гвоздики не могли заглушить его тяжелый запах.

Хуже всего было то, что иногда Францу снились кошмарные сны. Да и не только сны: лагерные сцены стояли перед глазами.

Такие, как сегодня. Он видел большие испуганные детские глаза, без слез, сухие, полные страха и надежды. Этот мальчик, наверно, знал, что его ждет, осознав черту между жизнью и смертью, не хотел умирать...

Ангел шел к лесу, замедляя шаг, надеясь, что природа, как всегда, успокоит его, освободит от неприятных воспоминаний.

Вот уже и ручей, делящий лес наполовину. Через него перекинута доска, прогибающаяся под грузным телом гауптштурмфюрера. Сколько раз ему предлагали построить здесь мостик,

но Ангел привык к доске. Ангел всегда останавливался на середине доски, ощущая, как пружинит она под ногами.

Сегодня Ангел задержался над ручейком дольше обычного, покачался на доске, но облегчение не пришло, и испуганные детские глаза не исчезали из памяти.

Гауптштурмфюрер прыгнул на тот берег, остановился и снова вспомнил всю сцену. Сегодня прибыл эшелон с женщинами и детьми, кажется, из Сербии, во всяком случае, с Балкан. В это время проводилась так называемая селекция. Со взрослыми было ясно: у эсэсовцев большой опыт, и они еще издали определяли, кому налево, а кому направо, в газовую камеру. А для детей на высоте метра двадцати сантиметров над землей устанавливали планку: кто проходил под ней свободно, шел направо, в газовую камеру.

Этот, с испуганными глазами (смышленный, наверно, чертенок!), шел, приподнявшись на цыпочки и вытянув худую шею.

Ангел знал такие хитрости, и в последний момент, когда мальчик задел планку маковкой и торжествующе шагнул влево, остановил его стеком, указывая, куда надо идти – в сторону газовых камер. Именно тогда гауптштурмфюрер увидел сухие, без слез глаза, тогда услышал и вопль женщины, которая упала на колени, протягивая руки...

Ангел вдруг остановился: понял, что тревожило его и почему запомнились глаза мальчишки. Они напоминали ему глаза сына. Вообще Карл был чем-то похож на этого маленького серба. Ангел с облегчением засмеялся: его сыну уготована иная судьба, и он собственной грудью защитит его от житейских невзгод.

...Сегодня Ангел нарушил обычный распорядок и, прежде чем снять мундир, заглянул к Беате. Поцеловав жену, постоял над кроваткой сына: Карл спал, подложив обе руки под голову. Разумянился, дышал тихо, чуть посапывая и смешно оттопырив верхнюю губу.

– Обедать, обедать... – захлопотала Беата. – Сегодня у нас фасолевый суп и жареная курица с капустой. Иди умывайся...

Ангел с облегчением снял мундир и залез в ванну.

– Достань пива из холодильника! – крикнул Беате, намыливаясь. – И поставь на стол коньяк. У нас сегодня обедает доктор Вундерлих.

Беате нравилось принимать гостей, а особенно доктора Вундерлиха, которому она симпатизировала.

Как-то доктор Вундерлих показывал Ангелу и ей женщин, на которых проводил свои эксперименты по стерилизации. Беата расспрашивала доктора, осматривала женщин, брезгливо морщилась, глядя на двадцатилетних девушек, из которых Вундерлих за полгода делал безобразных старух, а потом долго мыла руки.

– Когда дотрагиваюсь до них, – скривила губы, – у меня возникает чувство, что никогда не отмоюсь...

Вундерлих проводил их до главного входа. Ангел еще издали увидел у ворот толпу в черных мундирах, но понял, что происходит, только подойдя вплотную. Эсэсовцы, заметив коменданта, вытянулись по стойке «смирно», давая проход. В конце этого коридора стояла молоденькая девушка, совершенно обнаженная. Стояла, глядя прямо перед собой и, наверно, ничего не видя.

Девушка была белокурая, белолицая, со светло-зелеными глазами. Ангел на секунду подумал, что она могла бы стать олицетворением нордической красоты, и с любопытством направился к девушке. Однако, вспомнив, что держит под руку жену, инстинктивно замедлил шаг и чуть скосил глаза, чтобы увидеть, какое впечатление произвела на нее эта сцена.

Беата отвечала на приветствия знакомых офицеров, словно и не заметила живой статуи на фоне ворот. А молодых эсэсовцев, очевидно, забавляла необычная ситуация.

Ангел сделал шаг в сторону, чтобы обойти девушку, но Беата прошествовала прямо, будто впереди стояла не нагая женщина, а манекен. Тогда Франц подвел жену к девушке, остановился, поднял стек и дотронулся до девичьих грудей.

– Она неплохо сложена... – провел стеком по линиям бедер.

Беата отступила на шаг, разглядывая девушку.

– Хороша... – согласилась без энтузиазма. – Молодая и красивая, вот только ноги толстоваты... За что ее наказали?

От группы эсэсовцев отделился совсем юный унтерштурмфюрер, сказал с усмешкой:

– У нее вызывающий взгляд, фрау Ангел!

– А-а... – приняла как должное Беата и тотчас утратила интерес к девушке, обернулась к доктору, протянув руку для поцелуя.

Вечер прошел неплохо, у Ангела не испортилось настроение даже после проигрыша доктору Вундерлиху партии в шахматы.

Беата ушла укладывать Карла спать, и тут вдруг Вундерлих перевел разговор на щекотливую тему. Сделал он это не без опасения.

– Меня волнует это новое сокращение линии фронта, – сказал доктор, исподлобья взглянув на Ангела. – Они уже подошли к польской границе и...

Ангел молчал.

Взвешивал, стоит ли поддерживать разговор, поскольку догадывался, куда гнет доктор, что тревожило его и лишало обычной осторожности. Знал: лучше промолчать или отделаться незначительной репликой, но какая-то темная сила подтолкнула его, и он сказал:

– Русские могут прийти сюда очень скоро, и я удивляюсь нашему руководству, которое заблаговременно не думает искать выход, чтобы... – и сразу остановился, словно дотронулся до раскаленного железа, глянул на Вундерлиха растерянно.

Но Рубикон уже был перейден, и доктор закончил его мысль:

– Я также думаю, что следовало бы... Если хотите, замести следы. Русские и поляки кричат на весь мир о крематориях, и мне не хотелось бы, чтобы мое имя упоминалось на суде.

«Они повесят нас, не задумываясь и не устраивая судебной комедии», – подумал Ангел, а сказал совсем иное:

– Возможно, наши тревоги напрасны, русских не допустят так близко к границам рейха.

– Дай бог, – вздохнул Вундерлих. Перегнулся через стол к Ангелу и спросил с надеждой: – Как вы думаете, ведь нас трудно обвинить: мы солдаты, а солдат выполняет приказ?

Для гауптштурмфюрера этот вопрос был решен давно: достал надежные документы на другое имя и намеревался исчезнуть, не дожидаясь, пока о нем позаботится начальство. Но об этом не знала даже Беата.

– Не думаю, что есть особые причины для беспокойства. Наш дух и наша сила неодолимы, и временные неудачи на фронте не должны поколебать нас. – Почувствовал, что слова эти прозвучали фальшиво, но произнес их вполне искренне, поскольку вспомнил недавний случай там, за проволокой, который давал ему основание для таких суждений. – Я не могу поверить в стойкость славян – раб никогда не преодолет рабской психологии.

– Ну, – возразил Вундерлих, – это уже давно опровергнуто историей.

Ангелу не хотелось спорить, но он все же рассказал доктору о случае с двумя русскими военнопленными.

Несколько дней сеял мелкий дождь, землю развезло, и даже проложенные вдоль лагерных улиц красные кирпичные дорожки покрылись слоем липкой желтой глины. Комендант производил свой ежедневный обход скорее для поддержания порядка, нежели из-за необходимости. Шел медленно, поднимая капюшон блестящего плаща, казалось, ни к чему не присматривался, но замечал и запоминал все. Проходя мимо уборной, услышал такое, что даже его удивило: кто-то смеялся весело и задорно. Остановился, чтобы посмотреть кто.

В черном отверстии двери появились двое: молодой, с широким открытым лицом, высокий и, наверно, сильный, и пожилой седой человек с глубоко посаженными темными усталыми глазами. Молодой, шедший сзади, что-то говорил седому, и тот дружелюбно посмеивался. Вдруг, заметив коменданта, седой дернул молодого за руку, предупреждая, – лица их окаменели. Но было поздно. Гауптштурмфюрер подозвал их к себе и спросил:

– Русские?

– Яволь! – вытянулся молодой.

Гауптштурмфюрер пошлепал носком сапога по грязи. Последнее время он все чаще и чаще думал о русских, и, может, это стало причиной того, что вдруг гнев застлал ему глаза, перехватил дыхание – Ангел поднял руку со стеклом. Если бы ударил хоть раз, то уже бил бы и бил, пока не стало бы легче или не обессилел. И все же остановился в последний момент, заставил себя остановиться.

Эмоции были противопоказаны работникам лагеря, эмоции позволялись дома, а здесь была работа, которую Ангел считал ответственной и деликатной. В лагере надлежало всегда поддерживать порядок. Порядок во всем, начиная с чистоты в газовых камерах и кончая непременно покорным выражением лица всех узников.

Эмоции препятствовали этому порядку, эмоции могли привести к хаосу – Ангел сдержался и опустил стек. Стоял, с интересом глядя на двух военнопленных. Он хотел уже отпустить их, но вспомнил, что такой поступок тоже диктовался бы эмоциями и стал бы выражением некой нездоровой расслабленности. Собственно, следовало бы записать их номера для немедленного отправления в газовые камеры. Ангел уже потянулся за блокнотиком, но не захотел снимать перчатку – дождь хлестал. Он усмехнулся и приказал молодому:

– А ну дай ему понюхать это...

Ангел показал, что и как надо делать, размазывая подметкой сапога вонючую кашу глины и нечистот.

Молодой военнопленный смотрел на Ангела, будто не понимая, что ему приказывают, – пауза затягивалась, и комендант уже решил записать их номера, как вдруг молодой перевел взгляд на своего седого товарища.

Ангел улыбнулся. Седой опытнее этого парня и понимает, чем все это может кончиться. Стоило ему пошевелиться, сказать хотя бы слово, и их судьба была бы решена. Но седой не сказал ничего, а молодой схватил его за воротник, нагнул так, что тот стал на колени, и стал тыкать лицом в грязь. Раз... и два... Но не очень сильно.

Ангел приказал:

– Сильнее!.. Не жалея его!..

И тогда молодой стал тыкать быстрее, грязь разжижилась, и брызги разлетались вокруг.

– Хватит! – приказал наконец Ангел.

Лица седого не было видно – какое-то месиво из грязи и крови. Он не вытирался, стоял не двигаясь, только тяжело дышал и смотрел пустыми водянистыми глазами.

– А теперь ты его... – указал Ангел на молодого, и седой, не раздумывая, начал тыкать парня в грязь. – Отомсти!

Вдруг ему сделалось противно от этой покорности; подумал, что же двигает этими людьми, грязными, распластанными у его ног, что же двигает ими и почему они послушны? Очевидно, русским на фронте просто везет и, наверно, их скоро остановят. Он сразу утратил интерес к этим двоим. Пошел, уже не обращая внимания на дождь и грязь, – все равно сапоги запачкались...

Потом он пожалел, что не записал их номера. Два или три дня всматривался в лица военнопленных, отыскивая тех русских. Но выражение покорности и пустые глаза узников делали их лица удивительно похожими, и по ночам, когда Ангелу снились страшные сны, тысячи лиц сливались в одно, оно росло и росло, грязное, измазанное вонючей жижей, смешанной с кро-

вью, – одно лицо во всем лагере. Но ночами у этого лица не было покорного выражения, глаза смотрели дерзко, однажды Ангел увидел в них даже ненависть. Хотел ударить по ним – черным, большим, сверлящим, но рука не поднималась, даже не смог заслониться ладонью от жгучего жара этих глаз – кричал и метался во сне.

Дождь утих, но тучи сгустились, и было такое чувство, что вот-вот кто-то выжмет их как губку, и по еще не просохшему асфальту снова зажурчат мутные ручейки, а по ним изо всей силы хлестнут, оставляя пузыри, потоки светлой теплой дождевой воды.

В детстве Анри в одних трусах носился по лужам, зажмурив глаза, подставлял лицо под тугие струи и пил всласть дождевую воду. Она медленно набиралась во рту, он глотал, чтобы снова жадно подставить губы под струи.

И сейчас у Анри было такое настроение: прыгал бы, ощущая пятками водяную упругость, и смеялся, протягивая к небу мокрые ладони. Все время улыбался, сам не зная отчего, широко и счастливо, и прохожие, видя его улыбку, уступали ему дорогу: было ясно – счастлив человек оттого, что идет с такой красивой девушкой.

Они сели на набережной Сены. Анри снял пиджак и накинул на плечи Генриетте – девушка стала как бы ближе ему: он хотел сказать это, но только бросал камешки в реку и следил за кругами, расходящимися по темной воде.

Совсем близко прошел катер, он тащил против течения баржу, тяжело стуча моторами, а баржа плыла за ним тихо, нагруженная так, что, казалось, вода вот-вот хлынет через борта. Она виделась Анри неуклюжей, толстой женщиной, которую тащит по жизни работяга муж, и он, смеясь, сказал об этом Генриетте.

Генриетта посмотрела на него задумчиво, помолчала и ответила, как показалось Анри, совершенно невпопад:

– Завтра мы еще увидимся, а послезавтра я уеду...

– Куда? – испугался Анри, не поняв ее.

Генриетта бросила камешек в воду, подождала, пока исчезнут круги, и попросила:

– Не надо спрашивать, милый, я напишу тебе...

Это уже была катастрофа – ему хотелось переубедить, спорить, но он только сказал растерянно:

– Я же люблю тебя...

Она засмеялась.

– И я тебя.

– Так что же?..

Генриетта приложила палец к его губам, и Анри понял: она уже все решила, и теперь поздно ее уговаривать. Но что все-таки она надумала?

Анри начал издали:

– Я мог бы помочь или хотя бы посоветовать...

Генриетта оборвала его:

– Все уже решено, милый...

Для своих двадцати семи лет Анри Севиль занимал довольно солидное положение в одном из левых парижских журналов. Читатели давно оценили его острые политические обозрения. И не только читатели. Редактор одного из нашумевших, но не очень разборчивых изданий уже подсылал к Севиллю своего сотрудника прозондировать, не клюнет ли тот на гонорар, вдвое больший, нежели платит жалкий левый журнальчик.

Анри слушал маститого коллегу внимательно. Тот, не получив сразу отказа, стал рисовать перспективу, которая открылась бы перед Севилем, и очень расстроился, когда Анри категорически отказался.

Анри засмеялся, представив, какими глазами посмотрит на него Генриетта, если он согласится. Ему стало весело: из-за Генриетты можно отказаться и от мировой славы. Так он и сказал ей вечером в бистро возле редакции, где они встретились. И сразу предложил переселиться в его небольшую квартирку на бульваре Араго.

Признание Генриетте не было результатом эмоциональной вспышки или минутного порыва. Анри все продумал и взвесил. Вероятно, ему, женившись, придется преодолевать, особенно вначале, некоторые материальные трудности, но уже была договоренность с главным редактором о повышении зарплаты в будущем году, что обеспечивало ему и Генриетте жилищный минимум.

И вдруг такое...

В сердцах Анри швырнул камешек до середины Сены, но Генриетта, все поняв, прижалась к плечу Анри щекой. Он не мог сердиться, если она просила помилования, и, не выдержав, поцеловал ее влажные, чуть раскрытые губы. Генриетта ответила, и они долго целовались, прикрывшись пиджаком и ни на кого не обращая внимания.

Они целовались бы еще и еще, но туча вдруг прорвалась дождем. Генриетта, оторвавшись от Анри, подставила зацелованные губы под капли. Дождь хлестал по ее лицу, и она смеялась и глотала дождевую воду совсем по-детски, прихлебывая.

Они промокли, но Генриетте не было холодно. Анри и подавно. Он не заметил бы и настоящей бури, лишь бы было хорошо Генриетте. Вдруг она опомнилась, схватила его за руку и потянула к зданию, где в подъездах прятались застигнутые непогодой одинокие прохожие.

Полная женщина, которая и в подъезде не складывала зонтик, пропустила их, посмотрев недовольно и даже осуждающе. Наверное, она имела на это основание: их поведение было безрассудным, но сегодня Анри плевал на мнение всего Парижа: стояли и смеялись, наблюдая, как льется с них вода, как бежит со щек, с ушей, с подбородка...

Потом Генриетта опустила глаза и покраснела: прозрачная блузка прилипла к телу. Девушка прикрылась пиджаком Анри, но это не помогло: юбка облепила бедра, и Анри казалось, что – мужчины, прятавшиеся от дождя в подъезде, только и делают, что смотрят на них. Он заслонил девушку, Генриетта поняла все и посмотрела благодарно.

А дождь лил и лил, и не было ему конца.

Генриетта вытерла лицо платочком, который сразу промок, выжала воду из подола. Потом ей стало холодно – Анри увидел, как у нее покрылась гусиной кожей шея. Через три дома светились окна бистро, Анри уже хотел предложить перебежать туда, но вспомнил, что за углом, совсем недалеко, живет Серж Дубровский. Севиль был в гостях у Дубровского несколько раз; они не то чтобы дружили, а симпатизировали друг другу; Сергей, корреспондент советского агентства печати, часто заходил в их редакцию – они не только перебрасывались двумя-тремя словами либо делились новостями, но и не один час просидели за чашкой кофе в соседнем ресторанчике.

Вначале Генриетта заколебалась: удобно ли заходить в такую пору, но Анри быстро переубедил ее, и они побежали под ливнем.

Через несколько минут уже звонили в квартиру Дубровского.

Хозяин открыл сразу, будто ждал кого-то. Смотрел на Генриетту с любопытством и немного удивленно, а когда разглядел, улыбнулся широко:

– Боже мой! Что же вы стоите? Проходите...

Генриетта взглянула на лужу у ног, но Сергей уже затащил их в прихожую. Он дал Генриетте свой халат, а Анри – пижаму. Мокрые вещи развесили в ванной. Дубровский включил электрический камин и предложил девушке с ногами залезть на широкую и мягкую тахту.

Генриетта согрелась и почувствовала себя здесь хорошо. Сергей понравился ей – высокий, наверно, сильный и добродушный, но не простой, какими обычно бывают очень добрые люди: она ощущала за его силой энергию, а за мягкостью проницательность.

Дубровский подвинул к тахте столик с кофе и сигаретами. Они заговорили наперебой о погоде, о политическом курсе Франции, о войне и фашистском концлагере, где был Дубровский, он там принимал активное участие в Сопротивлении, и снова о погоде – дождь и дождь! Уже никто не помнил, как от дождя перешли к обсуждению премьеры в «Комеди франсэз» и так же, мимоходом, обругали новый итальянский фильм...

– А дождь прекратился... – Генриетта подошла к окну, выглянула. – Да, перестал. Уже почти двенадцать, и гости, наверно, надоели хозяину...

Сергею не хотелось, чтоб они уходили, но, увидев, как заторопились, взял шляпу, чтобы проводить их.

...Море осталось позади, и самолет снизился. Генриетта посмотрела в иллюминатор. Где-то далеко под крылом промелькнули убогие хижины, отары овец. Потом потянулись однообразные желто-зеленые заросли какого-то кустарника. Самолет сделал круг и пошел на посадку.

Генриетта осторожно вынула из-под блузки письмо и положила его во внутренний карман жакета. Самолет несколько раз сильно тряхнуло, и вскоре он остановился.

Генриетта еще раз посмотрела в иллюминатор на окружающие кустарники и спокойно направилась к выходу. Другие девушки прильнули к иллюминаторам, испуганно глядя на людей, выбежавших из-за кустов. Генриетта этого не видела – стояла возле двери и смотрела, как от кабины пилота между сидений приближался розовощекий человек в хорошо скроенном костюме. Думала, как могла так попасться в ловушку, но не впадала в панику, поскольку это означало бы гибель, а шансы на спасение давали только выдержка и сила духа.

Розовощекий приближался, а она смотрела на него, как смотрят обычные пассажиры на члена экипажа: без особого интереса, но и не отчужденно. Он подмигнул ей по-дружески, хотел пошлепать по щеке.

Генриетта спокойно отвела его руку, и он не обиделся. Вежливо попросил перейти на другое место.

На мгновение Генриетте стало страшно. Отступила в глубь салона и села на чей-то чемодан. Подумала: сейчас появится тот, который вел самолет, «полковник Кларенс», как назвал его розовощекий. Возможно, это было вымышленное имя, но все равно Генриетта уже никогда не забудет его, как и разговор, который она случайно подслушала в самолете. И пока пилот еще не вышел из кабины, снова осмыслила все, что произошло, – от посадки на самолет под Марселем до его приземления около этих опаленных солнцем кустарников.

...Две недели тому назад Генриетта прочитала в «Пари суар» объявление, в котором приглашались красивые девушки на работу экскурсоводами в Северную Африку. Контракт – на год, два и три. Генриетта позвонила по указанному номеру, и ее пригласили в контору на Жак-Доллан. Там и встретил ее розовощекий, отрекомендовавшийся Жаном Дюбуи – доверенной личностью большой туристской фирмы. Он рассказал об условиях работы, показавшихся Генриетте блестящими, просмотрел ее документы и спросил, знает ли она иностранные языки. Генриетта назвала только итальянский и английский, хотя немного знала и немецкий.

Розовощекий предложил Генриетте контракт на три года, но она согласилась только на годовой. Подписала, небрежно глянув на текст договора, поскольку Дюбуи выдал ей аванс и было неудобно вчитываться – фирма, которая не скупится на королевский аванс, не может быть несолидной. Тем более что розовощекий посоветовал:

– Прочитайте внимательно, мадемуазель, нам бы не хотелось, чтобы потом возникли недоразумения. Мы привыкли выполнять свои обязательства, но требуем этого и от вас.

– Я не ишу легкого хлеба, – только ответила она и расписалась.

Дюбуи вручил ей билет на поезд до Марселя и объяснил, где и когда должна быть, чтобы не опоздать на самолет, которым фирма переправит ее и других новых работниц в Северную Африку.

Впервые все они собрались в десять часов утра у отеля «Наполеон». Пятнадцать разных по характеру, взглядам, нравам, но все молодые и красивые.

Кто-то из марсельских пижонов, пораженный такой картиной, не выдержал и предложил:

– Пташки, возьмите меня с собой. А еще лучше оставайтесь здесь. Гарантирую всем шумный успех, а сегодня – веселый вечер...

Он попробовал протолкнуться к дверцам автобуса, в который садились девушки, но споткнулся о своевременно подставленную ногу хмурого верзила в надвинутой на лоб шляпе.

– Я тебе покажу «пташки»... – прошипел верзила, и пижона как ветром сдуло.

– Поехали, Густав! – позвал верзилу Дюбуи.

Тот сел за руль, и автобус рванул с места. Ловко маневрируя, Густав вывел машину на автостраду, и через четверть часа будущие экскурсоводы уже поднимались в самолет.

Генриетте пришлось сидеть в хвосте, и ее сразу затошнило. Вскоре сделалось совсем плохо, и она бросилась в туалет. Там и услышала разговор, который огорошил ее. И все же она нашла в себе силы ничем не выдать себя и внимательно слушала, стараясь не пропустить ни одного слова.

Разговаривали в тамбуре по-немецки и не очень опасались – были уверены, что никто из пассажиров не понимает их.

– Нас ждет грузовик и пять легковых машин, – сказал какой-то мужчина за дверью туалета. Генриетта сразу же узнала голос Дюбуи. – Разгрузимся, и вы, полковник, сразу посадите самолет в Танжере. Таможенникам на радость...

– Не забудьте прислать в аэропорт машину, – проговорил полковник на ломаном немецком языке. Потом попросил: – Налейте мне виски, Франц.

– Но вы же ведете самолет, Кларенс...

– Сейчас я включил автопилот... Глоток спиртного никогда не помешает.

Уже начало этого разговора насторожило Генриетту, почему Дюбуи из Жана вдруг превратился во Франца? И тут она припомнила, что уже при первом знакомстве заметила у него иностранный акцент, но мосье служил в Африке, и это не показалось странным. Но при чем здесь таможенники?..

– Вы же знаете, я спокойно отношусь к прошлому, – произнес Франц.

– Это пока не заденет вас лично, – отпарировал полковник. – И ваших дел в...

У Генриетты оборвалось сердце: полковник произнес это слово спокойно и безразлично, так, как она говорила о Париже, Лионе, Гамбурге, Лондоне. Но это слово стало символом смерти – только недавно она слышала его из уст Сержа Дубровского.

Франц сказал недовольно:

– Я же просил вас...

– Вы стали пугливы. Нас никто не слышит, а если бы и услышали...

– И все-таки...

После паузы полковник спросил:

– Когда вы скажете девчонкам о перемене их профессии?

– Не люблю откладывать. Лучше сейчас.

– Я взгляну на приборы и приду посмотреть спектакль.

Сразу все стихло. Генриетта осторожно выскользнула из туалета и чуть не столкнулась с розовощеким. Тот посмотрел на нее подозрительно, спросил по-немецки:

– Что вам тут нужно?

Генриетта сообразила, что не следует выдавать свое знание немецкого, и только пожала плечами.

– Сядьте на свое место, мадемуазель, – приказал тот уже по-французски.

В конце самолета стоял Густав, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

Франц прошел вперед, заглянул в кабину – оттуда вышел человек еще выше Густава и наверняка сильнее.

«Полковник», – поняла Генриетта. Она сидела возле иллюминатора, спрятавшись за спинку кресла, и ждала. Догадывалась: сейчас произойдет нечто страшное.

– Минутку внимания, девушки, – захолопал в ладоши розовощекий. – Я должен сделать довольно срочное и, может, для некоторых неприятное сообщение... – Вынул из кармана какие-то бланки, помахал ими над головой. – Знаете, что это такое? Точные копии договоров, которые вы подписали с нашей фирмой. Обратите внимание на пункт шестнадцатый... – Бросил бланки передним девушкам. – Вчитайтесь в него внимательно, мои козочки. Понятно? Кто из вас нарушит договор – заплатит пятьсот тысяч франков! – Улыбнулся доброжелательно и сказал мягко, ласково, словно сообщал что-нибудь успокоительное: – Но это так... Просто для формы, мои дорогие, чтобы вы поняли, что нет смысла брыкаться и показывать коготки. Но что поделаешь, наша фирма имеет уже достаточно экскурсоводов, мне сообщили об этом уже в последнюю минуту, и вам придется как-то по-другому обслуживать клиентов... В ночных кабаре Танжера... Вы поняли меня, козочки?..

Ровно гудели моторы, никто из пассажиров не проронил ни слова. Потом девушка, сидевшая за Генриеттой, сказала тихо и как бы с удивлением:

– Какой мерзавец!

А другая, не поднимаясь, произнесла спокойно:

– Вы плохой шутник, мосье Жан...

– Если вы так воспринимаете мою откровенность, то я молчу... Но прошу учесть, мы не церемонимся с непокорными!

Теперь поняли все. Кто-то заплакал, а высокая брюнетка, что сидела в первом ряду, зло бросила розовощекому в лицо скомканный договор и истерично закричала:

– Вы негодяй!.. Мы пожалуемся! Вы не имеете права!..

– Имеем, козочки... Обратите внимание на пункт четырнадцатый: фирма может использовать вас на других работах. Вам ясно, мадемуазель? На других работах...

– Подлец! – Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

– Вам не удастся нас обмануть! – Вскочила ее соседка и двинулась на Франца с поднятыми кулаками. – Мы заявим в полицию!

Полковник сделал шаг вперед, и девушка отступила, словно натолкнулась на непреодолимую стену.

– Вот что, райские птички, – произнес грозно полковник, – я с вами не собираюсь разводить церемоний! Я здесь и полиция и закон! Кто не будет повиноваться, голову сверну!..

– Так точно... – подтвердил Франц. – Однако должен напомнить вам, козочки, что мы предлагаем прекрасные условия. Можете получить вдвое, а то и втрое больше, чем обусловлено контрактом. За три года можно заработать приличную сумму. Вернетесь в свой Париж богатыми невестами... Решайте, фирма гарантирует полную секретность.

– Какой мерзавец! – не выдержала соседка Генриетты, рванулась вдоль сидений, занесла над головой сумочку, но Франц перехватил ее руку, толкнул в грудь. Девушка зашаталась, но удержалась на ногах, ухватившись за спинку кресла, затем плюнула Францу в лицо.

Франц поднял руку, еще мгновение – и ударил бы, даже пощечина принесла бы ему удовлетворение, – но сдержался.

– Я припомню это вам, мадемуазель... – процедил со злобой, вытираясь. – Густав! Наведи порядок!

Тот протиснулся в узком проходе, положил девушке на плечи руки, легко подмял ее, завернув руки назад, и бросил в кресло, да так, что она ударилась головой о бок Генриетты.

– Ну? – спросил Густав. – Кому еще не нравится?

Все молчали.

– Ничего, козочки, привыкнете, – сказал розовощекий благодушно. – У вас будут прекрасные условия: отдельная комната, хороший портной, вкусная еда... Вам просто повезло, мои дорогие...

Генриетта приподнялась.

– Чего тебе? – задержал ее Франц. – Куда?

Генриетта только указала в сторону туалета.

– А-а, – розовощекий пропустил ее, но, когда она взялась уже за ручку двери, остановил резким окриком: – Стой!

Заглянул сам в туалет, осмотрел все тщательно. Генриетта оперлась о стенку, вынула платок из сумки, зажала рот.

– Иди! – подтолкнул ее Франц, и Генриетта склонилась над умывальником, закашлялась. Ангел постоял несколько секунд и прикрыл дверь.

Девушка, продолжая кашлять, быстро вынула из сумочки блокнот, прыгающим почерком набросала несколько строк, вырвала страничку, сунула в конверт и написала адрес. Заклеив конверт, сунула его под блузку и вышла из туалета.

Спутницы сидели тихо, с ужасом поглядывали на Густава, прохаживающегося между креслами.

Генриетта упала на свое кресло и посмотрела в иллюминатор. Далеко внизу, где морская синь сливалась с синевой неба, проступала темная полоса. Самолет уже шел на посадку.

Франц спрыгнул на землю первым. Генриетта видела, как он делал кому-то знаки, размахивая руками. Скоро из-за кустов медленно выползли легковые автомашины.

Франц оглянулся и позвал:

– Выходите, мадемуазель Лейе!

Сказал как добрый знакомый, который сейчас подаст руку и поможет сойти по трапу.

– О багаже не волнуйтесь, его привезет грузовик.

Генриетта зашла за хвост самолета, осмотрелась вокруг. Окна в машинах закрыты шторками. Она сломала ветку куста, глянула исподлобья: не смотрит ли кто? Затаив дыхание, вытаскивала конверт, чтобы наколоть его на длинную колючку, но не успела сделать это: рядом затормозила длинная серая машина. Прикрыла конверт сумочкой и первой влезла в машину, чтобы занять место с краю.

Автомашины уже отъезжали, когда Франц плюхнулся на первое сиденье. Ехали по выбоинам, раскачиваясь в разные стороны.

Выбрав удобный момент, Генриетта надавила коленом на рукоятку – дверца открылась, и конверт упал в щель.

– Закройте двери, – резко обернулся Ангел. – Бежать тут некуда!

Генриетта выдержала его взгляд.

Сергей брлся в ванной, когда зазвонил телефон. Дубровский, выключив электробритву, поспешил к письменному столу. Вначале ничего не понял – какой-то взволнованный голос сообщал о письме из Танжера... о несчастье...

– Извините, ничего не пойму. Кто это?

– Боже мой, это же я, Анри!.. Анри Севиль. Только что получил письмо от Генриетты... из Танжера... Она попала в беду, и я хотел бы... Ты сейчас будешь дома? Беру такси...

Сергей немного постоял возле стола, но, так ничего и не сообразив, возвратился в ванную.

Анри буквально ворвался к нему, растрепанный и небритый, галстук перекосялся – всегда аккуратный и подтянутый Анри. Дрожащими руками совал Сергею грязный, помятый конверт и, казалось, вот-вот заплачет или закричит от отчаяния.

Дубровский тут же, в прихожей, пробежал глазами письмо. Корявые буквы, строчки расплзлись в разные стороны:

«Спасайте, ради бога, спасайте! Если это письмо не дойдет по адресу, обозначенному на конверте, передайте его полиции. Мое имя Генриетта Лейе. Человек, который назвал себя Жаном Дюбуи, завербовал в Париже меня и еще четырнадцать девушек на работу в Африку. Вылетели самолетом с аэродрома близ Марселя. Нас собираются продать в ночные кабаре. Дюбуи и полковник Кларенс. Настоящее имя Дюбуи – Франц. Во время войны он служил в концентрационном лагере в Польше. Среднего роста, розовощекий. Наш самолет держит курс на Танжер. Это все, что я знаю. Кто бы вы ни были, спасайте нас!»

– Я ничего не знаю! И вообще ничего не понимаю... – чуть не плакал Анри.

– Она, наверно, выбросила письмо где-нибудь по дороге или передала с кем-нибудь.

– Я получил его час назад...

– Вот что, – рассердился Дубровский, – поплакать ты всегда успеешь. – Подал Анри бритву. – Брейся и будем решать, что и как делать.

Очевидно, решительность Дубровского подействовала на Севиля. Покорно включил бритву и стал бриться, выжидающе глядя на Сергея.

Тот размышлял вслух:

– Итак, приблизительно пятнадцатого мая Генриетта Лейе подписала контракт и попала в руки гангстеров, которые вывезли из Франции пятнадцать девушек для продажи в ночные кабаре Танжера. Можно установить, какой самолет вылетал примерно в это время из района Марселя. Хотя вряд ли этот Франц и полковник Кларенс, как называет их Генриетта, оставили свои визитные карточки...

Внезапно Дубровский, задохнувшись, сел на тахту.

– Розовощекий... розовощекий... – беззвучно двигал губами. – И служил в лагере в Польше...

Он потер лоб, словно старался отогнать зловещие видения, но перед глазами не исчезали сторожевые вышки с пулеметами, ограда из колючей проволоки, мрачные кирпичные бараки.

...С неба сеял холодный и мелкий дождь. Они – это Владимир Игнатьевич Заболотный, работник из белорусского города Мозыря, и он, Сергей Дубровский, который всего лишь полгода назад был старшим сержантом, но, попав в плен, стал заключенным этого лагеря смерти – человек под номером 110182.

Седоголовый Владимир Игнатьевич специально вызвал в уборную Сергея как одного из участников лагерного Сопrotивления, и теперь они разговаривали, не боясь третьих ушей. Все в лагере жили надеждой, что терпеть осталось не так уж много. Только что Заболотный принес подтверждение этому: там, на востоке, началось новое наступление, и советские войска подошли к границам Польши.

Дубровский смотрел на серое дождливое небо, и ему вдруг послышался гул канонады, он обрадовался, словно это и на самом деле была канонада, вытянул шею, насторожил уши.

И засмеялся...

Заболотный вдруг схватил его за руку, и Сергей взглянул на него удивленно. Но сразу посмотрел туда, куда показывал глазами Владимир Игнатьевич, и осекся.

На красной кирпичной дорожке, ведущей к баракам, стоял офицер в блестящем плаще. Стоял неподвижно, казалось, не смотрел на них, но поманил пальцем, и они пошли к нему, сразу сникнув.

Сергей узнал офицера еще издали, поскольку привык видеть эту фигуру, когда заключенные строились на лагерном плацу и тот стоял чуть поодаль от остальных офицеров в черном – вершитель судеб, гауптштурмфюрер СС, комендант лагеря.

Невысокий, толстый, он проигрывал рядом со своими подчиненными, даже манера держать руки в карманах и переступать с ноги на ногу делала его каким-то домашним в сравнении с крепкими надзирателями, белой вороной в черной стае. И сейчас, когда Сергей имел воз-

возможность рассмотреть коменданта вблизи, он произвел на него такое же впечатление: розовощекий, как ребенок, и нет ничего грозного во взгляде. Даже улыбается.

Они стояли перед ним – двое мужчин в мокрой полосатой одежде, которая делала их жалкими.

Офицер разглядывал их с любопытством и, Сергею показалось, без злобы: поймал даже веселую искорку в его глазах. Он смотрел на розовые щеки, видел, как двигаются губы коменданта – яркие, пухлые, знал, что эсэсовец что-то говорит, но ничего не понимал и даже не слышал его голоса.

Но почему офицер тычет стеком в грудь Заболотного?

Комендант пошлепал носком сапога по жидкой грязи и спросил нетерпеливо:

– Понял?..

Только теперь Дубровский уяснил, чего добиваются от него, вернее, Сергей понимал это и раньше, понимал все время и слышал, просто казалось, что не слышал, словно были слова, и не было их. Он успел даже подумать, что может дотянуться не только до розовых щек (интересно, на самом ли деле они такие бархатные, как кажется?), но и до комендантского горла. Он сделает это быстрее, нежели тот успеет защититься, и, пожалуй, у него хватит сил, чтобы одним рывком разорвать хрящи гортани.

Это желание было настолько сильным, что почувствовал, как онемели кончики пальцев; но все же пересилил себя, а может, просто взял верх инстинкт самосохранения, который заставлял заключенных втягивать голову в плечи и горбиться при виде эсэсовцев, – шагнул назад, ибо не мог сделать то, что заставлял эсэсовец, даже под угрозой самого большого наказания.

И в это мгновение встретился глазами с Заболотным.

Они смотрели друг другу в глаза, может быть, один миг, а может, и больше. Владимир Игнатьевич не подал ему ни одного знака, даже не моргнул; зрачки его расширились, и серые глаза сделались черными. Он приказывал глазами, и Сергей понял его. Поднял руку и увидел, как послушно согнулся Заболотный, не ждал, пока пригнут его к земле, сам стал на колени, погрузив лицо в грязь.

Дубровский прижал его совсем легко и сразу отпустил, но немец толкнул Сергея сапогом в бок и приказал: «Сильнее! Не жалея его!»

Сергей не мог сделать этого, но почувствовал, как от его совсем легкого толчка Заболотный так шлепнулся в грязь, что полетели брызги, – теперь он вполне понял Владимира Игнатьевича и начал тыкать быстрее. Видел только носки сапог коменданта и знал, что тот следит внимательно: толкал Заболотного по-настоящему, но все же вполсилы – хорошо, что комендант не знал, не мог знать, какая сила еще таилась в Сергее.

«Хватит...» – наконец послышался приказ.

Сергей отвернулся, чтобы не видеть окровавленного лица Заболотного, – не мог, не имел права смотреть на него, потому что мог выдать себя, наверняка выдал бы – нервы уже не выдерживали: заплакал бы от отчаяния либо бросился на розовощекого...

Если бы комендант в этот момент смог заглянуть ему в глаза, возможно, уловил бы в них мгновенную улыбку. Сергей застыл в ожидании: видел только комендантские сапоги, нетерпеливо переступающие на месте; это предвещало нечто недоброе, и в самом деле немец выкрикнул зло: «Отомсти ему!..»

На затылок Сергею легла мокрая и холодная рука, грязь потекла по шее. Владимир Игнатьевич надавил ему на затылок, и Дубровский понял, что Заболотный благодарит и подбадривает его. Это взволновало Сергея, какой-то нерв оборвался, он всхлипнул, сам бросился в грязь, бился лицом о землю, стараясь хоть немного приглушить ту боль, что рвалась изнутри с рыданиями.

Сколько прошло времени, не помнил – бился, как в эпилептическом припадке, но вдруг его грубо одернули и остановили. Сергей открыл глаза, заметил, как из носа в кровавую лужу

капает жидкая грязь, и капли почему-то красные, никак кровавые. Откуда кровь? Сразу понял и вытер рукавом лицо. Увидев черную спину коменданта, который, не оглядываясь, шагал по кирпичной дорожке, поднял глаза и встретился взглядом с Заболотным.

Лицо Владимира Игнатьевича напоминало кровавое месиво, все в липкой грязи – виднелись только глаза, смотрящие, как всегда, с хитринкой. Он вынул из кармана какую-то тряпку, вытер лицо Сергею и стал вытираться сам.

– Спасибо тебе, парень, не плачь, глупый, еще раз говорю: спасибо... – сказал Заболотный.

Но Сергей всхлипнул, хотя и знал, что самое страшное уже позади и Владимир Игнатьевич прав: стоило ему не послушать коменданта, и этот день стал бы для него последним. А они надеялись выжить, умереть здесь было легко, смерть подстерегала на каждом шагу – произвольно Сергей взглянул в сторону крематория, над которым клубилась черная туча, – действительно сегодня им повезло...

Дубровский осознал это, но не мог перебороть боль, вырывавшуюся из него хриплыми рыданиями, – эта боль не утихла даже по сей день, хотя после войны уже прошло много лет.

Иногда Сергей получал письма от Заболотного, который работал где-то под своим Мозырем. Сергей знал, что тогда они спасли жизнь друг другу, но раковая опухоль позора все же жила в нем, и он временами даже задыхался от нестерпимой боли, вспоминая вонючую грязь, блестящие комендантские сапоги, и думал, что, может, лучше было тогда умереть...

И сейчас, только вспомнив розовощекого, почувствовал, как знакомая боль пронизала сердце.

Приземистый комендант в блестящих сапогах. Розовощекий человек с улыбкой добряка. Весь мир впоследствии узнал о нем. Гауптштурмфюрер СС Франц Ангел.

Внимательно прочитав письмо еще раз, Дубровский искоса взглянул на Анри. Тот еще брился, для удобства подперев языком щеку. Наверно, прошло несколько секунд, а Сергей пережил, казалось, вновь все лихолетье.

Отложил письмо и сказал:

– Необходимо срочно обратиться к полиции. Есть там знакомые?

Севиль неопределенно хмыкнул:

– Я могу попросить наших уголовных репортеров...

– Не нужно... – Дубровский уже вертел телефонный диск. – Соедините меня, пожалуйста, с комиссаром Диаром. Доброе утро, комиссар. Вас беспокоит Дубровский. Помните, мы встречались в клубе... вынужден напомнить о себе. Наберитесь терпения, я прочитаю вам один документ.

Сергей познакомил комиссара с письмом Генриетты.

– Минутку! – забубнил в трубке голос Диара. – Я сейчас позвоню одному человеку... – И через некоторое время: – Вы слушаете меня, мосье Дубровский? Сейчас вам следует подъехать на улицу Поль-Валери. Интерпол. Знаете, где это? Комиссар Фошар ждет вас.

Над стареньким и совсем не фешенебельным особняком на Поль-Валери развевался флаг Международной организации уголовной полиции, которую обычно называют одним словом – Интерпол. Дубровский увидел этот флаг издали: на голубом фоне разбежались во все стороны серебристые лучи, знаменуя, очевидно, силу правосудия. Может, этот флаг произвел впечатление и на Анри, так как тот приободрился и уверенно толкнул тяжелую дубовую дверь.

Их провели в кабинет комиссара сразу. Поднялись по узкой лесенке, миновали темный коридор со скрипучими от времени половицами, и полицейский открыл перед ними дверь кабинета.

У Фошара сидел еще кто-то. Сергей неприветливо взглянул на него: хотел поговорить с комиссаром с глазу на глаз. Видно, Фошар перехватил этот взгляд, так как сразу представил присутствующего:

– Комиссар Люсьен Бонне, господа. Он будет расследовать ваше дело. Меня просил господин Диар, Бонне – моя правая рука, господа...

Комиссар Бонне совсем не был похож на детективов из популярных полицейских романов – высоких, статных, с пронзительным взглядом холодных серых глаз. Не напоминал он и сименоновского Мегрэ с неизменной трубкой. Дубровского даже поразила его скромность и, как бы сказать, несоответствие со сложившимися представлениями о сыщиках. Люсьену Бонне можно было дать самое большое лет сорок, даже меньше, наверно, так и было на самом деле, потому что на его лице не залегла еще ни одна морщинка, а на макушке торчал задиристый вихор.

Бонне улыбнулся, и его улыбка опять-таки разочаровала Дубровского. Он улыбался не по правилам – как улыбается человек, который искренне симпатизирует вам, – и это отступление от правил, какое первоначально огорчило Дубровского и даже немного смутило (возможно, комиссар хотел отделаться от них и вместо опытного полицейского волка подсунул желторотого новичка), все же растопило его недоверие, и Сергей сердечно ответил на крепкое пожатие руки комиссара, не без удовольствия отметив, что Бонне силы не занимать.

Фошар угостил их кофе, и Анри долго и путано рассказывал историю своего знакомства с Генриеттой Лейе, нервничал, вздыхал, смущался и недоговаривал.

Когда Анри закончил, Дубровский счел необходимым добавить, что он, наверно, знает одного из преступников, это Франц Ангел, бывший гауптштурмфюрер СС и военный преступник, комендант большого концентрационного лагеря в Польше, где во время войны уничтожена не одна сотня тысяч невинных людей.

Комиссар остановил его:

– Нас не интересует прошлое Ангела, кем бы он там ни был. Розыск эсэсовских преступников не входит в компетенцию Интерпола.

– Но вы же не могли не слышать этого имени... Франц Ангел... На Нюрнбергском процессе его фамилию называли не один раз, и Ангела не внесли в списки разыскиваемых военных преступников только потому, что где-то нашли документы, свидетельствовавшие о его смерти.

Комиссар посмотрел на Дубровского отчужденно:

– Этот факт имеет значение... Хотя вряд ли солидная газета напечатает сейчас материал об Ангеле, опираясь на такие сомнительные и бездоказательные вещи, как намеки в письме мадемуазель Лейе.

– Я видел Ангела так, как вижу сейчас вас, и думаю, что Генриетта Лейе не ошибается. У Ангела есть примета – розовые щеки. Понимаете, у солидного человека детские розовые щеки. Генриетта сразу обратила на это внимание.

– Если бы сам Гитлер сейчас поднялся из могилы и встретился мне на Елисейских Полях, – сказал Фошар, – я не имел бы права его задержать. Интерпол расследует только уголовные преступления. Третий параграф нашего устава запрещает вмешиваться в любое дело, если речь идет о политике, религии, обороне государства или о проблемах расовой дискриминации. Далее, – комиссар постучал пальцами по письму Генриетты и продолжил: – Не дай бог, чтобы известия об этом проникли в прессу. Это будет равносильно предупреждению преступников. Они уйдут в такое подполье...

– Я не уверен, – вмешался комиссар Бонне, – что и без этого наш путь будет устлан розами. Может быть, Танжер у них вообще перевалочный пункт? Я ищу их там, а они давно уже на Ближнем Востоке или черт знает где... Людей с розовыми щеками немало, а этот Ангел давно уже имеет надежные документы, и попробуй докажи, что это и есть он...

– Да, – подтвердил Дубровский, – он отличался осторожностью, и жаль, что мы не имеем его фотографии.

– Это усложняет дело, – нахмурился Фошар. Немного подумал и спросил: – Вы говорите, что видели Ангела в лагере. Узнали бы его сейчас?

Сергей на мгновение зажмурил глаза. Разве может он когда-нибудь забыть тот день? Блестящий плащ, по которому стекают дождевые капли, толстый комендант и его улыбка... Кивнул уверенно.

– Я узнал бы его среди тысячи.

Комиссар смотрел на Сергея задумчиво. Предложил сразу, будто речь шла о поездке в Нанси или Руан:

– Не смогли бы вы слетать с комиссаром Бонне в Танжер? Мы решим все формальности и...

Дубровский сразу согласился:

– Я должен связаться с Москвой, но, думаю, в агентстве, где я работаю, не возразят. Для вас Ангел только уголовный преступник, для нас все это значительно важнее.

Анри, который не вступал в разговор и сидел с таким видом, словно удивлялся, как можно интересоваться мелочами, когда речь идет о его невесте, вдруг сказал:

– Я полечу тоже!

Фошар удивленно пожал плечами.

– Мы не можем запретить вам, летите в любой город, но учитывайте, мосье Севиль, интересы следствия. Это не прогулка – преследование преступников часто связано с осложнениями.

– Понимаю ваше положение, комиссар, – отозвался Севиль, – но ведь речь идет о моей невесте. Я полечу в Танжер как частное лицо, – кивнул в сторону Бонне, – но полиция в любую минуту может рассчитывать на меня.

– Аргумент, что и говорить... убедительный... – проворчал Фошар. – Повторяю, это ваше личное дело. Я хотел бы только предостеречь, чтобы вы не прибегали к частному розыску. Это только напортит. Впрочем, вы, может быть, и пригодитесь комиссару. – Фошар встал, заканчивая разговор. – Мосье Бонне, надеюсь, найдет с вами общий язык, господа...

В другом кабинете Анри спросил Бонне:

– Когда отправимся?

– Два дня на подготовку мне хватит.

– Два дня! – в отчаянии схватился за голову Севиль. – Вы шутите, мосье!

– Танжерскую полицию мы проинструктируем уже сегодня, – успокоил его Бонне. – А мне необходимо ознакомиться с архивами. Не исключено, что этот Ангел оставил какие-нибудь следы и у нас. Продает девушек, а это чистой воды уголовщина.

– Когда основана ваша организация? – спросил Дубровский. – Возможно, я проявляю поразительную неосведомленность, но не приходилось иметь дела...

– Даже опытные полицейские репортеры проявляют такую неосведомленность, – заметил Бонне. – Интерпол мог быть создан еще до Первой мировой войны. В четырнадцатом году сыщики уголовной полиции собрались на свой первый международный конгресс в Монако. Но, к сожалению, началась война, а война не способствует объединению даже полицейских. Новая встреча произошла только через девять лет в Вене. Тогда же, в двадцать третьем году, была основана Международная комиссия уголовной полиции – мать нашей организации. Однако эта мать, – Бонне саркастически улыбнулся, – умерла еще младенцем. Штаб Интерпола тогда находился в Вене. После оккупации австрийской столицы гитлеровцами Гейдрих конфисковал все архивы Интерпола и перевез их в Берлин. Вы понимаете, господа, для чего?

– Чтобы гестапо использовало преступников... – ответил Сергей, хотя вопрос был скорее риторичным и Бонне собирался сам ответить на него.

– Со шпионско-диверсионной целью, конечно, – уточнил тот. – Фашисты поставили точку на Интерполе.

– И он возродился уже после войны? – спросил Дубровский.

– Сама жизнь потребовала возобновления нашей деятельности, – ответил Бонне. – Война принесла не только разруху. После сорок пятого года кривая преступности неуклонно пошла в гору. Частые ограбления банков, стремление гангстеров сбыть украденные ценности и найти пристанище за границей стран, в которых они действовали, заставили правительства искать новые формы борьбы с преступностью. В результате и была создана Международная организация уголовной полиции. Сейчас в нее входят государства Западной Европы, страны Северной и Южной Америки, а также Африки и Азии. В каждой стране-участнице создано национальное бюро Интерпола. Кажется, все, господа. А теперь я должен покинуть вас. Я закажу на всех билеты на самолет и сообщу вам дату вылета.

Несколько дней Севиль, Бонне и Дубровский бродили по Танжеру. Бонне иногда таинственно исчезал куда-то на два-три часа, но от всех прямых и косвенных вопросов Анри отлеплялся либо шутками, либо отмалчивался.

Дубровский был терпеливее друга, хотя, ставя себя на место Анри, целиком оправдывал его: кто и когда из влюбленных отличался рассудительностью?

Слонялись они, с легкой руки комиссара, по ресторанам и пивным. Бонне заводил длинные разговоры с кельнерами, шутил с девушками-официантками.

Сегодня утром он опоздал на завтрак и, не ожидая вопроса Анри, объяснил:

– У нас есть время, можете не спешить и спокойно пить свой кофе.

– Скоро вы доконаете меня, – ворчливо начал Анри. – Я не вижу смысла в наших ресторанных путешествиях. По мне так...

– Вы не комиссар полиции, а журналист, Анри, – отмахнулся Бонне, – и это накладывает отпечаток на склад вашего характера. Но, смею вас заверить, в нашем деле поспешность излишня...

– Я слышал уже это от всех знакомых полицейских, и каждый говорит об этом так, как будто открыл Америку.

Дубровскому нравился открытый характер комиссара и его простодушие, правда, немного смущала прямолинейность и ограниченность Бонне в делах, не связанных со служебными обязанностями, но хорошо было, что Люсьен имел голову на плечах, а это, как известно, присуще не каждому полицейскому комиссару. Кроме того, был он человеком честным, на которого можно положиться в трудную минуту, и, безусловно, храбрым.

– Я уже объяснил вам, Анри, – сказал Бонне, – что мы находимся в независимом государстве и дело розыска преступников – прерогатива марокканской полиции. Я помогаю ей с согласия министра внутренних дел. Только помогаю! – засмеялся. – Ну а вы уже помогаете мне.

– Не много ли помощников? – спросил Дубровский.

– Разве ж в этом дело?.. – сокрушенно покачал головой Бонне. – Если бы я сейчас встретил этого Ангела, смог бы только раскланяться с ним. Необходимо прежде доказать его преступление, иначе он только посмеется над нами. Любой прокурор не выдаст вам ордер на его арест.

– Известный военный преступник, – пожал плечами Дубровский. – На его совести тысячи жертв...

– А его нет в списках военных преступников. Кроме того, вам уже говорили, что Интерпол не занимается такими преступлениями.

– Убить одного человека – преступление уголовное, оно в вашей компетенции. Убить сотни тысяч...

Бонне замахал руками.

– У меня есть инструкции, Серж, и я не имею права нарушать их.

– Что будем делать сегодня? – оборвал перепалку Анри.

– Пока что мы не сделали ни одного неверного шага, – ответил уверенно Бонне. – Но ведь мы только начали игру и разыграли довольно известный дебют. Комбинации впереди, и никто не гарантирован от ошибки.

Анри положил руку на колено Бонне.

– Тебя, Люсьен, – показал на кельнера, делающего какие-то знаки.

– Да, – поднялся комиссар, – извините, мосье Серж, мы потом закончим наш разговор.

Он вернулся через несколько минут, держа в руках конверт. Вынул из него несколько листов. Сказал, разглядывая их:

– Дело осложняется тем, господа, что содержатели городских притонов, – искоса посмотрел на Дубровского, – и здесь вы, мосье Серж, к сожалению, правы, поддерживают контакты с отдельными представителями местных органов власти...

– Скажите прямо, Люсьен, купили полицию! – отрубил Анри.

Бонне поморщился.

– Несколько прямолинейно, но смысл в этом есть. Именно поэтому я должен был действовать тихо и осторожно... Если бы они почувствовали, что мы наступаем им на хвост, я имею в виду шайку, которая вывезла сюда французских девушек, спрятали бы концы в воду. Поэтому в городском полицейском управлении, а мы целиком зависим от него, я главным образом нажимал на формальную сторону дела и держался так, будто верю каждому их слову и полагаюсь только на их усилия... – Комиссар отодвинул недопитый martini и налил себе воды. – В то же время надежные люди работали по моим заданиям, да и дни, проведенные нами в значных местах, господа, не были напрасными. Вот, – положил на стол небольшой листок, – список самых дорогих притонов Танжера и его окрестностей. Мои друзья выбрали, повторяю, самые фешенебельные, поскольку именно с их владельцами могли иметь дело люди, у которых есть возможность самолетом вывозить девушек из Европы. Нет необходимости объяснять почему?

Анри нетерпеливо замахал руками.

– Дальше, дальше, Люсьен...

– Ясно, самые шикарные из них вынуждены постоянно обновлять контингент. У нас есть список – в нем помечены заведения, где в последние два месяца появились новые девушки. Это самый важный для нас сейчас список, господа. Отели «Мадрид», «Розовая вилла», «Синий берег», ночной клуб «Игривые куколки», ресторан «Жемчужина» и другие. У нас есть и их адреса. Список, как видите, не очень большой, и это сужает круг наших поисков. Я не могу утверждать, что мы идем верным путем. – Бонне вынул авторучку. – Допишем сюда казино «Девушки в красных чулках». Мне посоветовал посетить его один кельнер. Помните, вчера вечером обслуживал нас? Еще ночное кабаре «Цветок Востока». Кажется, пока все...

– Ну и?.. – выжидающе уставился на него Анри.

– Категорически прошу вас не действовать по собственной инициативе, – твердо ответил комиссар. – Небольшой просчет может испортить все. По этим притонам пойду я сам.

Анри не сдавался:

– Но ведь в них можно попасть только по вечерам и, если считать по одному в день, то...

– Иного выхода нет.

– Я и Серж могли б... Неужели вы думаете, что у нас не хватит такта и осторожности, чтобы разведать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.